

1 К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Ст. научн. сотрудник
художественного музея
г. Алматы

Е.П. КРАСНОВ

ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ И БРАТЬЯ КИКИНЫ

П. А. КИКИН,
литография
А. А. Васильевского.
Сориниала
К. Брюллова.
1820-е гг.

Александровской эпохи, мне привилось стоять на позициях несправедливым оговором этого незаурядного человека в такой области, как пушкиноведение.

Об этом речь пойдет ниже, а пока несколько слов о брате Кикине, который вырос в VI члене горских родословных книг Мюнхенской Симбирской и Гензенской губерний.

В 1845 г. историк крайне славно-фольклорного толка Дмитрий Александрович Валуев (1820-1845) издал в Москве "Симбирский Сборник", где напечатал "Годословную родоспись рода Кикиных", а также "Грамоты и Наказы воеводе И. Ф. и стольнику В. П. Кикиним". Эти документы были переданы издателю - поэтом Степаном Соколовым, Петром Андреевичем Кикиним, уроженцем Симбирской губернии.

Кстати, Дмитрий Валуев, ученик смелого почина, был сыном сестры поэта Н. М. Языкова Александры Михайловны. Доводился он племянником и жене философа А. С. Хомякова Екатерине Михайловой - другой сестре автора "Пловца".

Языковы и Кикины по ермольевской линии состояли в близком родстве. Дед поэта по матери Александр Федорович Ермолов и матушка П. А. Кикина Мария Федоровна - родные брат и сестра. Таким образом, стат-

секретарь и сенатор Кикин приходил "Боюк русской поэзии" двоюродным племянником, а создатель "Исследования о местничестве" Дмитрию Валуеву - двоюродным дедом. Да, Россия двух прошлых столетий - воистину золотая пора русского дворянства. Век родства и свойства. Уютное, теплое, семейное время!

Но вернемся к фамильным корням Петра Андреевича Кикина. Родоналиянником Кикиных является Логгин Михайлович, "пани радиный" у короля Владимира Ярослава. Выехав из Поморья "в службу Мюнхену", он стал "введенным борином и градодержавцем" Дмитрия Донского.

Так пор Кикины на протяжении пяти столетий не сходят с несправедливым оговором этого незаурядного человека в такой области, как пушкиноведение.

Но наиболее известны двое Кикиных сыновья: Василий Петрович и сын его адмиралтейский секретарь Александр Васильевич. Имя первого связано с деятельностью Переяславской Рады, имя второго - с делом царевича Алексея Петровича.

Петр Андреевич Кикин - прямой правнук Ивана Васильевича Кикина, бабки колесованного 17 марта 1718 г. заговорщика. Прах предка нашего героя покоятся под алтарной стеною Троицкого собора Астраханского края. На могиле Кикиной стоят слова: "1723 года сентябрь 13 дня, в 7 часу, в пяток, на память священномученика Корнилия Сотника, преставившися раб Божий генерал-адъютант Иван Васильевич Кикин, от роду ему 63 года..."

Город, где И. В. Кикин нашел свой последний приют, был для него местом ссылки. Причиной гнева и опасности послужило то, что сообщник царевича, Александр Васильевич Кикин, искал спасения в доме брата, где был скончан по слову и делу Государеву".

Долго поднимались Кикины после кругой расправы царя за предательство "дедушки", как Великий Петр называл в письмах бомбардира своего потешного полка и денцини Александра Васильевича.

Самым ярким представителем рода Кикиных в XIX веке был Петр Андреевич, седьмой из двойни детей отставного секунд-майора Андрея Ивановича Кикина и Марии Федоровны Ермоловой, четверебородой теткой проводившего генерала и наместника Кавказа А. П. Ермолова.

"Конечно, были бы излишним упоминания здесь о происхождении Кикина, - писал в 1847 г. на страницах "Иллюстрации" секретарь Общества поощрения художеств В. И. Григорович, - но как не вспомнить с уважением, как не сказать с умилением о достоинствах предков, когда помимо заслуг их от них благородство обогодило еще более собственными заслугами как человек и гражданин!"

Границы настоящих замяток не позволяют осветить жизнь П. А. Кикина с подобающей полнотой. Дадим лишь контур его биографии.

По обычаям времени, Петр Андреевич начал службу по второму году жизни, записавшись капралом в лейб-гвардии Измайловский полк, через некоторое время приступив к середине лейб-гвардии Семеновского полка. Закончив образование в Московском Университетском пансионе, будучи произведен в прапорщики (1796), Кикин посыпал себе военную карьеру. В сентябре 1802 года он жалован флигель-адъютантом и "грозу двенадцатого года" встречает в поклоннических эпитетах, исполняя должность лежурного генерала штаба 1-й Западной армии. В этой должности Кикин остался и после образования армии в "8 бессмертный день Бородинской битвы", - пишет все тот же И. Григорович, - отбивая с охотниками на штыках глав-

ную батарею от французов, ранен в глаз."

После взятия Парижа генерал-майор Кикин по болезни уволен в отставку с мундиром. Орден Св. Владимира II ст., Св. Анны I ст., Св. Георгия IV ст., прусский орден Красного Орла и два штаги "За храбрость" - таков итог татоборческих заслуг П. А. Кикина перед Отечеством.

В 1816 году полничий пребывал судьи отставной генерал-майор принял должность статс-секретаря при П. А. Кикине.

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа

С. Т. Аксаков, хорошо знавший Кикина в его молодые годы и часто встречающийся с ним в доме адмирала А. С. Шишкова, в воспоминаниях о главе литературного общества "Беседа любителей российской словесности" пишет: "Петр Андреевич Кикин был одним из самых горячих защитников славянофонов; он сделался таким, видя, по выходе книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге". До того он считался

блестящим
остряком,
француза-любителем
и светским
модным
человеком...
Книта Шишкова
образумила
и обратила его,
и он написал
на нем
"Mon Evangelie".
(Моя Евангелия.)

При основании "Беседы" в конце 1810 - начале 1811 гг. флигель-адъютант и вчерашний галломан Кикин считал одним из самых рьяных членов этого общества.

Словесные баталии между шинковистами и караиминистами, между "Беседой" и "Аразамасом" широко освещены в истории литературы, поэтому нет нужды останавливаться здесь на теме, не имеющей аспектов художественных.

Но все это только одна сторона жизни П. А. Кикина - служебная.

П. А. Кикин, неизвестный художник Сориниала В. Л. Боровиковского. 1814-1815 гг.

Миниатюра из собр.

Гос. Эрмитажа</p

ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ И БРАТЬЯ КИКИНЫ

Называв П. А. Кикин двоюродным братом Петра Евграфовича Марина звучало, что на столе последнего "стоял серебряный портрет-гравюра сестры Кикиной светлой Екатерины Петровны Волконской (рожденной Кикиной)". Ну, какая сестра? Двоюродная племянница, а не сестра.

А как прикажете понимать утверждения рассказчицы, будто П. А. Кикин женат на книжке Голицыной?

Можно известно, что женой Петра Андреевича Кикина была дочь Ардалиона Александровича Торсукова, обергофмейстера двора, Мария Ардалионовна. Мать ее, Екатерина Васильевна, доводилась родной племянницей Саввишине Перекутиной, великой камер-фрейлигантке Ольгии Филипповны Альстам-Торсуковой, "дочери Торсуковой письма" С. Т. Аксаков в "Воспоминаниях об А. С. Шишкове". Брак статского секретаря и любителя искусства П. А. Кикина с этой женщины, а не с книжкой Голицыной, отмечен и в сопроводительном тексте.

Любусь из ожидания куполом "той церкви", в которой в 1835 году произошло

венчание... тогда еще молодого поручика лейб-гвардии Семеновского полка" П. Е. Кикина и М. Р. Кер-Порттер, Марина тут же живописует визиты к ним П. А. Кикин. Но ведь видный са-

корник и меценат Петр Андреевич Кикин скончался 18 мая 1834 г.

Мало того, П. А. Кикин в изложении Марии, "заследствованной Английского клуба, знакомый со всей Москвой", носит "постоянно николаевскую шинель и фуражку с красным околышем". Ну никак не мог Петр Андреевич Кикин, видимо, "издеваться" над этикеткой Ардалионовых", принадлежащей к офицерской шинели, вошедшей в обиход при Императоре Николае I.

А уж тем более странно, что кузены П. Е. и П. А. Кикины "почитали Леонтьева и Каткова", увлекались статьями "Московских ведомостей", зачитывались "Русским вестником". Если П. А. Кикин и был преданным, то он точно не прочитал ни строчки у соредакторов помянутых изданий, потому что в год его смерти М. Н. Каткову было 16 лет, а профессору Московского университета П. М. Леонтьеву и того меньше - всего 12 годиков.

Однако либо мемуаристка сильно путает,

или П. А. К. ее воспоминаний - это Петр Андреевич Кикин, а кто-то другой, имевший те же инициалы. Ну кто? - вот вопрос.

Но есть, есть в повествовании Марии ошибки, лежащие наверху указаний на то, что П. А. К. - все же мог расшифровываться как Петр Андреевич, а не как другие лица!

ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИДЕЮ ИЩИТЕ У ПУШКИНА

Из последних номеров "Дворянского весника" следует, что РДС планирует серьезно обсудить принципы государственной объединительной идеи для современной России. В этой связи я вспомнил мнение директора Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома), профессора Николая Николаевича Сахарова:

В беседе с корреспондентом московской газеты "Вечерний клуб" Н. Н. Скотов прям сказал: "Национальную идею Борису Николаевичу может подсказать Александр Сергеевич". Не надо быть семи ладей во лбу, чтобы догадаться, что Александр Сергеевич - это Пушкин. И, развивая мысль, он добавил:

Русская литература - это лучшее, что создано нами как нации. И наиболее яркоявление нашей литературы - ПУШКИН, который может стать той самой объединительной идеей для всех российских граждан. Авторитет был неколебим при всех режимах. Неколебим он и теперь.

В. А. Благово

(Коломна Московской обл.)

От редакции.
Соглашаясь с нашим автором и читателем В. А. Благово, считаем по-лезным привести еще одно мнение, которое, пожалуй, способствует образцом для формирования современного мировоззрения.

Перефразируя известный афоризм героя Бэкона, можно сказать, что от природы каждый человек рождается "правым": немного рассуждения и полукультуре делают его "левым", а много размышлений, опыта и науки превращают его снова в "правого", причем - высшего порядка. Таковым стал Пушкин. Выходит, что "левизна" является неизбежным следствием полулигитимов (хотя бы с учеными титулами) и примитивов, и что в разумном образом представляя собой главные пружины и силы нашей эпохи. Силы действуют, но недвигают жизнь вперед, а, скорей, назад!

Н. А. Реймерс

(Коломна Московской обл.)

ПОДСЕНЬЮ МУЗ

КУЛИКОВЫЙ БИТВА ПОСВЯЩАЕТСЯ

НИКОЛАЙ ШИЛПЕНЕВАХ

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Отрывки из поэмы

О Руси! Твои истории угрожают
Сокрушенью, и вспомни о том, как
Они в "предместьях стариной глубокой",
Они в "дальних давно минувших дней".

Мы с вершинами
Шести столетий
Презрят взглядом направляем в даль.
Презрят взглядом на нашей планете
Обладают не все,
А жал!

Кое-кто
Из краевских снов
Рузы бы содами потоптал...
Но на поле.

На Куликовом
Русский меч свою слово сказал.

Часть первая.

ПРОВОЖДЕНИЕ

Глава I

За юркими склонами исходило,
Дик свирь в небо к пропасти воронил,
И саму довольно опять оплохил,
Тес на крыльях домов обагрил,
А туманы в сады посадские
Скорбася, ксер росы...
Какие же прелестные краски
В эти утренние часы!

С коромисницем девка румяная
Дважды реке отбила поклон.

Проблизилась Москва деревенняя

Под маленькой переконь.

Причина же в том, что в летовых,

Даже в праздники не удалялись

Шли к затурье. Звен колокольный

Стан галок согнал с куполов.

И носились они кругами,

Поднимая истощенный крик...

И в крохотном, и к причным гаму
Люд московский давно привык.
Не до звуков ему, не до красок,
В праздник тоже полно забот.

Пожищев под премом татарским,

Так увещавши чисто чисты

Сколько пленен при потоптили?

А московский мужик, погляди,

Вроде сынкова плачи расправил.

Русь светлая простерлась далеко.

Сколько ден на ехать и пытъ!

Этих сокровищ, и вон каким оком

Этих сокровищ, и вон каким оком

Только бог отступря, поди,

От молчалих христиан:

Отвернулся от русской земли,

Состоит вон каким оком,

Стало стоном мертвого слова,

Но не внемлет молящимся Он.

...Проблизилась в то утро Москва

Под малиновым переконь...

Глава II

Высохли стени расписаные

И бревна пригнили добро,

На стенах ставени разные,

На крыше тек, как серебро,

Боги, на крыше тек, как ливень,

Столбы витые на крыльце-

Резьба узкая на крыльце...

На крымке, в венце,

Скульптура узкая на крымке...

</

